

Муза мести и печали.
(1877--1902 г.)

Замолкни, муза мести и печали!
Н. Некрасовъ.

Кто живеть безъ печали и гнева,
Тоть не любитъ отчизны своей.
Н. Некрасовъ.

I.

25 июля 1839 года петербургскій цензоръ Фрейгангъ подписалъ къ выпуску въ светъ тетрадь стихотвореній, имевшихъ общій заголовокъ "Мечты и звуки". Автору ихъ было всего лишь 17 летъ отъ роду, хотя передъ темъ онъ успелъ уже напечатать, за полной своей подписью - Н. Некрасовъ, целый рядъ стихотвореній въ "Сыне Отечества", въ "Литературной Газете" и въ "Прибавленіяхъ въ Инвалиду". Некоторые изъ этихъ юношескихъ опытовъ даже обратили на себя вниманіе любителей поэзіи.

После цензорскаго разрешенія можно было приступить въ печатанію книги, но, какъ разсказывалъ впоследствіи самъ Некрасовъ, имъ овладели тревожныя сомненія, и онъ решилъ показать раньше свою рукопись признанному королю тогдашнихъ поэтовъ - Жуковскому. Последній отнесся къ юному собрату съ теплымъ сочувствіемъ, увидавъ въ его стихахъ несомненныя задатки поэтическаго дарованія,-- однако, печатать книгу не советовалъ. Къ сожаленію, было уже поздно: среди знакомыхъ Некрасова была уже открыта на сборникъ его стиховъ подписка, и часть полученныхъ отъ нея денегъ издержана.

- Въ такомъ случае,-- сказала Жуковскій,-- не выставляйте, по крайней мере, полного вашего имени на книге. Ограничьтесь инициалами.

Советъ этотъ Некрасовъ принялъ къ сведенію, и въ начале слѣдующаго года "Мечты и звуки" явились въ светъ за скромной подписью Н. Н.

Книгъ выходило въ те времена, сравнительно, немного, и кругъ вопросовъ, которыхъ журналы имели право касаться, былъ до чрезвычайности узокъ; поэтому о каждой почти вновь напечатанной книжке, какъ бы ничтожно ни было ея значеніе, непременно появлялись более или менее пространныя рецензіи. "Мечты и звуки" Некрасова не составили исключенія изъ общаго правила и вызвали целую кучу отзывовъ: въ "Литерат. Газете", въ "Отечести. Запискахъ", въ "Современнике", въ "Сев. Пчеле", даже въ "Русскомъ Инвалиде" и въ "Жури. Мин. Нар. Просвещенія" (изъ видныхъ органовъ промолчала, кажется, одинъ только "Сынъ Отечества" Полевого, быть можетъ, потому, что Некрасовъ на его страницахъ по преимуществу печаталъ свои стихи). Въ "Жури. М. Н. Пр." стихотворецъ Менцовъ, очевидно гнавшій о возрастѣ автора "Мечтаній и звуковъ", далъ одинъ изъ наиболее сочувственныхъ отзывовъ: рецензентъ исходилъ изъ того мненія, что при разборѣ сочиненій столь юнаго поэта задача критики не въ определеніи ихъ литературной ценности и значенія, а лишь въ решеніи вопроса - есть ли у поэта признаки таланта, обещаетъ ли онъ въ будущемъ создать произведенія, достойныя вниманія и памяти. "И потому да не дивятся читатели,-- замечалъ Менцовъ,-- если мы будемъ судить г. Некрасова (критикъ считалъ возможнымъ разоблачить инициалы) они сходитьеельнее, нежели, можетъ быть, следовало бы: похвалами умеренными и справедливыми мы имеемъ целью ободрить его прекраснѣйшій талантъ и поощрить въ дальнѣйшихъ трудахъ въ пользу отечественной словесности". Далее, рецензентъ осыпалъ похвалами отдельныя пьесы сборника, защищалъ юнаго автора отъ возможныхъ упрековъ въ подражательности и, въ заключеніе, предрекалъ Некрасову завидную известность и почетное место въ исторіи русской

литературы, подъ темъ, впрочемъ, условіемъ, если онъ будетъ "развивать свое природное дарованіе изученіемъ твореній поэтовъ, признанныхъ великими отъ всего просвещеннаго міра, и чтеніемъ лучшихъ Теорій Изящнаго".

Такою же мягкостью проникнута была и коротенькая заметка "Современника", написанная, вероятно, самимъ Плетневымъ. "Здесь не только *мечты и звуки*, какъ выразился поэтъ, но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая въ себе почти одни лирическія стихотворенія, исполнена разнообразія. Въ каждой пьесе чувствуется созданіе мыслящаго ума или воображенія. Наша эпоха такъ скудна хорошими стихотвореніями, что на подобныя явленія смотришь съ особеннымъ удовольствіемъ. У г. Н. Н. заметна только некоторая небрежность въ отделке стихотвореній".

Плетневъ, несомненно, тоже хорошо зналъ, кто скрывается подъ таинственными инициалами; но авторъ третьей рецензіи, помещенной въ "Сев. Пчеле", прямо заявляетъ, что имя поэта ему "вовсе неизвестно", что оно, "кажется, въ первый разъ является въ нашей литературе". И, темъ не менее, подобно "Журналу М. Н. П.", рецензентъ "Сев. Пчелы" начинаетъ съ положенія, что снисходительность - одно изъ главныхъ условій критики, имеющей передъ собою первые опыты юношескаго пера, особенно когда въ нихъ приметно дарованіе, которое впоследствии можетъ развернуться; дарованіе же Н. Н., по мненію критика, не подлежитъ никакому сомненію и возбуждаетъ самыя пріятныя надежды. Какъ и Менцовъ, онъ ставитъ только на видъ юному поэту необходимость "образовать" свой талантъ долгимъ изученіемъ искусства и непрерывнымъ наблюденіемъ за самимъ собою.

Не такъ, однако, легко и снисходительно отнеслись къ "Мечтамъ и звукамъ" анонимный критикъ "Литерат. Газеты" (где Некрасовъ не разъ помещалъ передъ темъ свои стихи) и самъ Белинскій въ "Отеч. Запискахъ". Обе рецензіи до того сходны по мыслямъ, по тону и самому слогу, что и въ первой изъ нихъ можно было бы заподозрить перо Белинскаго (темъ более, что последній сотрудничалъ и въ "Литерат. Газете"), если бы не существовало прямыхъ указаній на принадлежность ея Галахову или Каткову. "Особенность подобныхъ г-ну Н. Н. поэтовъ и писателей вообще,-- говорилось въ этой рецензіи,-- заключается въ томъ, что они *суть нечто* до техъ поръ, пока не издадутъ полного собранія своихъ сочиненій: тогда они становятся *ничто*" Названіе *Мечты и звуки* совершенно характеризуетъ стихотворенія г. Н. Н.: это не поэтическія созданія, а *мечты* молодого человека, владеющаго стихомъ и производящаго звуки правильные, стройные, но не поэтическіе".

Почти то же и почти въ техъ же выраженіяхъ высказалъ и Белинскій въ "Отеч. Зап." Если проза можетъ еще удовлетворяться гладкой формой и банальнымъ содержаніемъ, то "стихи решительно не терпятъ посредственности". Читая такіе стихи, вы чувствуете иногда, что авторъ ихъ человекъ, несомненно, благородный и искренній, но въ то же время видите, что эти благородныя чувства "такъ и остались въ авторе, а въ стихи перешли только отвлеченныя мысли, общія места, правильность, гладкость и - скука. Душа и чувство есть необходимое условіе поэзіи, но не ими все оканчивается: нужна еще творческая фантазія, способность вне себя осуществить внутренній міръ своихъ ощущеній и идей и выводить во вне внутреннія виденія своего духа". - "Прочестъ целую книгу стиховъ, встретитъ въ нихъ все знакомыя и истертыя чувствованья, общія места, гладкіе стишки и много-много, если наткнутся иногда на стихъ, вышедшій изъ души въ куче рифмованныхъ строчекъ,-- воля ваша, это чтеніе или, лучше сказать, работа для рецензентовъ, а не для публики, для которой довольно прочестъ о нихъ въ журнале известіе вроде: выехали въ Ростовъ".

Мы потому съ такой подробностью остановились на шуме, вызванномъ въ литературе первымъ поэтическимъ выходомъ Некрасова, что шумъ этотъ, несомненно, оказалъ большое и существенное вліяніе на дальнейшую судьбу поэта. Авторитетный отзывъ Белинскаго, высказанный въ марте месяце 1840 г., сразу заглушилъ, конечно, все сочувственные голоса, и о "Мечтахъ и звукахъ" установилось съ техъ поръ прочное мненіе, какъ о книжке стиховъ, до последней степени ничтожныхъ и бездарныхъ. "Интересъ книжки въ томъ,-- читаемъ въ энциклопедическомъ словаре Брокгауза и Ефрона (въ статьѣ С. А. Венгерова),-- что мы здесь видимъ Некрасова въ сфере совершенно ему чуждой, въ роли сочинителя балладъ съ равными страшными заглавіями вроде "Злой духъ", "Ангель смерти", "Воронъ" и т. п. "Мечты и звуки" характерны не темъ, что являются собраніемъ плохихъ стихотвореній Некрасова и какъ-

бы *низшей* стадією въ творчестве его, а темъ, что они *никакой* *стадіи* (курсивъ словаря) въ развитіи таланта Н. собою не представляютъ. Некрасовъ, авторъ книжки "Мечты и звуки", и Некрасовъ позднейшій - это два полюса, которыхъ нетъ возможности слить въ одномъ творческомъ образѣ".

На самого поэта приговоръ Белинского и Галахова (или Каткова?) подействовалъ, между темъ, самымъ угнетающимъ образомъ: "ъ этого, по крайней мере, момента,-- какъ бы уверившись, что лишень всякаго поэтическаго таланта,-- онъ пишетъ въ продолженіи несколькихъ летъ стихи только юмористическаго характера, главнымъ же образомъ пытается силы въ области прозы. Какъ известно, въ роли беллетриста и критика Некрасовъ далеко не пошелъ, и въ смысле непосредственной ценности литературное творчество его за пятилетіе 1840--44 г. является совершенно безплоднымъ. Другое дело - незримая, подспудная, такъ сказать, работа таланта, когда, сдерживаемый насильно въ известныхъ рамкахъ, онъ судорожно бился въ поискахъ своей настоящей дороги: въ такомъ смысле и указанные годы имели огромное значеніе для определенія основного характера некрасовской поэзіи. Объ этомъ, впрочемъ, ниже; теперь же остановимся на минуту на возникающемъ неволью вопросе: насколько былъ правъ или неправъ Белинскій въ суровомъ осужденіи первыхъ поэтическихъ опытовъ Некрасова? И верно-ли держащееся до сихъ поръ мненіе, будто опыты эти не стоятъ решительно ни въ какой связи съ позднейшимъ "бликомъ "музы мести и печали"?"

Взятая сама по себе, книжка "Мечты и звуки", несомненно, очень слаба, такъ что у Белинскаго (къ тому же, только что переехавшаго изъ Москвы въ Петербургъ и не подозревавшаго, что Некрасовъ такъ еще зеленъ) было очень мало данныхъ для того, чтобы отнестись въ ней иначе, чемъ онъ отнесся. Другое дело - критика нашихъ дней. Для насъ "Мечты и звуки",-- если бы это была и действительно вполне бездарная въ художественномъ отношеніи вещь,-- имеютъ интересъ совершенно особаго рода: это - первый опытъ поэта съ могучими поэтическими силами, и крайне любопытно знать, нетъ-ли въ этомъ опыте, хотя бы и въ зачаточномъ виде, элементовъ того настроенія, которое такъ ярко сказалось въ позднейшей некрасовской поэзіи. Подходя къ вопросу съ такой точки зренія, рассматривая "Мечты и звуки" съ высоты 62 летъ, мы должны признать черезчуръ суровымъ приведенный выше отзывъ С. А. Венгерова. Прежде всего нельзя сказать, что въ "Мечтахъ и звукахъ" Некрасовъ является въ роли сочинителя страшныхъ балладъ,-- такъ какъ балладъ этихъ (не по заглавію только страшныхъ) въ книжке ничтожное меньшинство, всего 2--3 изъ общаго числа 44 пьесъ; а затемъ нужно заметить, что уже самая нелепость содержанія и примитивность формы обличаютъ ихъ принадлежность къ наиболее раннему, отроческому періоду творчества Некрасова. Со словъ сестры поэта известно, что, покидая 16-летнимъ мальчикомъ отцовскій домъ, онъ увезъ съ собою толстую тетрадь съ *детскими* стихотворными упражненіями ("за славой я въ столицу торопился" - вспоминалъ онъ самъ на смертномъ одре). Это было 20 іюля 1838 года, а съ сентябрьской книжки "Сына Отечества" за тотъ же годъ стихи Некрасова уже стали печататься.

Позволительно также предполагать, что молодой поэтъ, уже сумевшій передъ темъ написать незаурядное стихотвореніе "Жизнь", и поместилъ то эти баллады въ свой сборникъ единственно ради внешняго его округленія, а, быть можетъ, и ради... умиловивленія безмерно строгой тогда цензуры. Следы ея властной руки можно видеть въ этомъ сборнике не въ виде только разбросанныхъ тамъ и сямъ точекъ. Такъ, въ стихотвореніи "Поэзія" читаемъ:

Я владею чуднымъ даромъ,
Много власти у меня,
Я взволную грудь пожаромъ,
Брошу въ холодъ изъ огня;
Разорву покровы ночи,
Тьму вековъ разоблачу,
Проникать земныя очи
Въ міръ надзвездный научу...
Возложу венецъ лавровый
На достойнаго жреца,
Или въ мигъ запру въ оковы
Поносителя венца.

Не надо обладать особенной проницательностью, чтобы догадаться, что последний стих в первоначальном тексте читался, по всей вероятности: *"И носителя венца"*, и что печатной своей нелепостью он обязан мнительности цензора Фрейганга, которому всякий "венец" (хотя бы то был венец Нерона!) казался чем то неприкосновенным. Быть может, об этой именно остроумной цензорской поправке вспоминал Некрасов двадцать пять лет спустя, когда в уста не в меру ретивого стража печати вкладывал следующее признание:

Да! меня не коснутся упреки,
Что я платы за трудъ васъ лишаль.
Оставляль я страницы и строки,
Только вредную мысль исключаль.
Если ты написалъ: "Равнодушно
Губернатора встретишь народъ",
Исключу я три буквы: "Ра-душно"
Выйдетъ... Что же? Три буквы не счетъ! *)

*) Тургеневъ вспоминаетъ: "Особеннымъ юморомъ отличался цензоръ Ф., тотъ самый, который говаривалъ: "Помилуйте, я все буквы оставляю, только духъ повытравлю". Онъ мне сказалъ однажды, съ чувствомъ глядя въ глаза; "Вы хотите, чтобъ я не вымарывалъ? Но посудите сами: я не вымараю - и могу лишиться 3000 р. въ годъ, а вымараю - кому отъ этого какая печаль? Были словечки, нетъ словечекъ... Ну, а дальше? Какъ же мне не марать?! Богъ съ вами!" ("Литерат. и жит. воспом.") - Очевидно, Тургеневъ имелъ въ виду того же Фрейганга.

Если, за одно со "страшными" балладами, исключить изъ сборника и некоторое количество просто безцветныхъ и безсодержательныхъ детскихъ стишковъ вроде "Турчанки" (у которой кудри - "вороновы перья, черны, какъ геній суеверья, какъ скрытой будущности даль"), или "Ночи" ("Ахъ туда, туда, туда - къ этой звездочке унылой чародейственною силой занеси меня, мечта!"), то большинство пьесъ книги окажется проникнуто весьма определеннымъ взглядомъ на жизнь, на достоинство и призваніе человека, порта въ особенности,-- взглядомъ, который ни въ какомъ случае нельзя назвать "полюсомъ, противоположнымъ" позднейшей некрасовской поэзіи.

Вотъ, напр., діалогъ, въ которомъ душа, въ ответъ на соблазны тела, гордо заявляетъ:

Прочь, искуситель! Не напрасно
Безсмертьемъ я освящена!
.....
Хотя однажды, трупъ безсильный,
Ты мне уступишь торжество!

Въ другомъ стихотвореніи - духъ разрушеннаго, великолепнаго некогда Колизея находитъ утешеніе въ мысли, что хотя онъ и погибъ, но уже много столетій не обрызганъ живой человеческой кровью. Или стихотвореніе - "Мысль":

Спить дряхлый міръ, спить старецъ обветшалый...
.....
Скрой безобразье наготы
Опять подъ мрачной ризой ночи!
Поддельнымъ блескомъ красоты
Ты не мои обманешь очи.

Все это выражено, правда, по-детски, въ не яркихъ и подчасъ аляповатыхъ стихахъ; однако, сквозить во всемъ этомъ серьезное и вдумчивое отношеніе къ жизни; уже и здесь передъ нами не просто лишь созерцательная поэтическая натура, непосредственно и безразлично отдающаяся "всемъ впечатленьямъ бытія", а мыслящій поэтъ, предъявляющій къ жизни свои требованія и запросы.

Вотъ какія негодующія строки находимъ, напр. въ стих. "Жизнь":

Изъ тихой вечери молитвъ и вдохновеній
Разгульной оргіей мы сделали тебя
(т. е. - жизнь),
И гибельно парить надъ нами злобы геній,
Еще въ зародыше все доброе губя.
Себялюбивое, корыстное волненье
Обуреваешь насъ, блаженства ищемъ мы,
А къ пропасти ведетъ порокъ и заблужденье
Святою верою нетвердые умы.
Поклонники греха, мы не рабы Христовы;
Намъ тяжекъ крестъ скорбей, даруемый судьбой;
Мы не умеемъ жить, мы сами на оковы
Меняемъ все дары свободы золотой.
. Искусства намъ не новы:
Не сделавъ ничего, спешимъ мы отдохнуть;
Мы любимъ лишь себя, намъ дружество - оковы,
И только для страстей открыта наша грудь.
И что же, что оне безумнымъ замъ приносятся?
Презрительно смеясь надъ слабостью земной,
Священнаго огня намъ искру въ сердце бросають
И сами же зальютъ его нечистотой!
За наслажденьями, по ихъ дороге смрадной,
Слепые, мы идемъ и ловимъ только тень;
Терзаютъ нашу грудь, какъ коршунъ кровожадный,
Губительный порокъ, бездейственная лень.
И после буйнаго минутнаго безумья,
И чистый жаръ души, и совесть погуби,
Мы съ тайнымъ холодомъ неверья и раздумья
Проклятью предаемъ неистово тебя!

Стихи эти явно, конечно, навеяны страстнымъ обвиненіемъ, которое великій поэтъ бросилъ передъ темъ въ лицо русскому обществу ("Дума" Лермонтова появилась въ янв. книге "Отеч. Зап." того же 39 года, т. е. за полгода всего до цензорскаго разрешенія "Мечтаній и звуковъ"); нельзя, однако, отрицать, что въ "Жизни" Некрасова слышится и оригинальная нота, искренній религиозный пафосъ; некоторые стихи не лишены я извести ой красоты и силы выраженія (напр., подчеркнутые нами). Во всякомъ случае, такъ можетъ "подражать" далеко не всякій 17-летній поэтъ.

Самую миссію поэта юный Некрасовъ понимаетъ въ возвышенномъ, почти экзальтированномъ смысле.

Кто духомъ слабъ и немощенъ душою,
Ударовъ жребія могучею рукою
Безстрашно отразить въ чьемъ сердце силы нетъ,
Кто у него пощады вымоляетъ,
Кто передъ нимъ колена преклоняетъ,
Тотъ не поэтъ!
Кто юныхъ дней губительныя страсти
Не подчинилъ разсудка твердой власти,
Но, волю давъ и чувствамъ, и страстямъ,
Пошелъ, какъ рабъ, во следъ за ними самъ,
Кто слезы лилъ въ годину испытанья
И трепеталъ подъ игомъ тяжкихъ бедъ
И не сносилъ безропотно страданья,
Тотъ не поэтъ!
На Божій міръ кто смотритъ безъ восторга,
Кого сей міръ въ душе не вдохновлялъ,
Кто предъ грозой разгневаннаго Бога
Съ мольбой въ устахъ во прахъ не упадалъ,

Кто у одра страдающаго брата
Не пролилъ слезъ, въ комъ состраданья нетъ,
Кто продаетъ себя толпе за злато,
Тотъ не поэтъ!
Любви святой, высокой, благородной
Кто не носилъ въ груди своей огня,
Кто на порокъ презрительный, холодный
Сменилъ любовь, святыни не храня;
Кто не горелъ въ горниле вдохновеній,
Кто ихъ искалъ въ кругу мірскихъ суетъ,
Съ кемъ не беседовалъ въ часы ночные геній -
Тотъ не поэтъ!

Не думаемъ, чтобы эти мысли были плодомъ одного только подражанія романтической школе: въ значительной степени это искреннія юношескія мечты о высокомъ призваніи писателя. Изъ другого стихотворенія ("Изгнанникъ") мы узнаемъ, что уже рано действительность грубою рукой прикоснулась къ светлымъ мечтаніямъ поэта, и онъ "очутился на земле".

Ты осужденъ печать изгнанья
Носить до гроба на челе,--

сказалъ ему тогда таинственный голосъ:

Ты осужденъ ценой страданья
Купить въ стране очарованья
Рай, недоступный на земле!

И поэтъ не теряетъ бодрости; онъ даже полюбилъ свой крестъ:

Теперь отраднo мнe страдать,
Полами жесткой власяницы
Несчастій потъ съ чела стирать!

За туманно-романтической формой, какъ-будто, чуеться здесь и нечто автобіографическое (печальное детство; разрывъ съ отцомъ, бросившій юношу-поэта почти нищимъ на мостовую большого города), какъ-будто слышится искренняя нота горделивой уверенности, что, и "очутившись на земле", онъ не утратилъ стремленія къ идеалу: хотя бы "ценой страданья", онъ придетъ въ обетованную землю!

Красавица, не пой веселыхъ песенъ мнe!--

читаемъ въ другой пьесе, интересной въ томъ отношеніи, что здесь впервые выступаетъ образъ матери Некрасова, воспетый имъ позже въ такихъ чудныхъ, трогательныхъ стихахъ:

Оне пленительны въ устахъ прекрасной девы,
Но больше я люблю печальные напевы...

Унылый тонъ этихъ напевовъ,-- объясняетъ поэтъ,-- въ особенности милъ ему потому,

Что въ первый жизни годъ родимая съ тоской
Смиряла имъ порывъ ребяческаго гнева,
Качая колыбель заботливой рукой;
Что въ годы бурь и бедъ заветною молитвой
На томъ же языке молилась за меня;
Что, побежденъ житейской битвой,
Во власть ей отдался я, плача и стена...

Следует еще отметить печать глубокой религиозности, характеризующей сборник "Мечты и звуки". В каждом почти стихотворении встречаем упоминание о Боге, о молитве, о необходимости "путь к знаниям верой осветить" и "разлюбить родного сына за отступление от Творца". Дух сомнения представляется юному Некрасову элым духом, и он советует не вверять сердца "его всегда недоброму внушенью".

Порыв души в избытке бурных сил,
Святой восторг при взгляде на творенье,
Размах мечты в полете вольных крыль,
И юных дум кипучее паренье
И юных чувств не омраченный пыль -
Все осквернить печальное сомненье!

Напомним еще раз читателю, с какой точки зрения оцениваем мы "Мечты и звуки", резюмируем теперь наше общее впечатление. Книжка эта является, по нашему мнению, не столько продуктом сознательного литературного подражания романтической школе, сколько - зеркалом детски-неопытной и наивной, но глубоко-искренней, религиозно и поэтически настроенной юной души. Слабые в художественном отношении, стихи эти обнаруживают, тем не менее, богатый запас нетронутой душевной силы и свежего чувства. Позднейшему, знаменитому Некрасову, -- кроме плохой формы, -- положительно нечего в них стыдиться: по альтруистически-повышенному настроению своему "Мечты и звуки" являются именно подготовительной, "низшей стадией" его творчества, отнюдь не звучащей в нем диссонансом. И нам кажется, что знакомство с этой детской книжкой Некрасова делает, как-будто, менее странным факт "внезапного", как обыкновенно думают, превращения посредственного рассказчика и куплетиста в первостепенного лирика.

Отметим, в заключение, одну любопытную черту, касающуюся внешней формы стихов сборника "Мечты и звуки". Оказывается, что уже в эту раннюю пору Некрасов не питал такого исключительного пристрастия к ямбу, как Пушкин и поэты его школы: из 44 пьес сборника ямбом написана лишь половина, другая половина - амфибрахийем, дактилем и хореем (нет только излюбленного впоследствии Некрасовым анапеста). Встречаются уже и столь характерные для позднейшего Некрасова трехсложные рифмы:

Мало на долю ною безталанную
Радости сладкой дано;
Холодом сердце, как в бурю туманную.
Ночью и днем стеснено.
В свете как лишней, как чем опозоренный,
Вечно один я грущу...

Довольно часты также рискованные рифмы, которыми поэт и впоследствии не брезговал: "буду - минуту", "слепо - небо", "брата - отрада" и т. п.